

Загадка Гостунского стана

Мы часто употребляем слова, даже не задумываясь об их истинном смысловом содержании. Хотя, иногда значение того или иного слова, которое мы, не задумываясь, используем в повседневной разговорной практике, или, как говорят, в быту очевидно и лежит на поверхности.

Взять, например, известные выражения: «Спасибо» - т.е. «спаси Бог», или «Благодарю», т.е. буквально «благо дарю». Если немного подумать, то все окажется довольно банальным: «беседка» - это место для беседы, привычный «город» - происходит от огороженного места. Таким образом, происхождение или - говоря на языке науки - этимология того или иного термина играет роль смыслового ключа и проливает свет на его значение или, выражаясь академически, семантику. Во многих гуманитарных науках – этимологический анализ занимает почетное место в методике научного поиска.

История стоит в одном ряду с ними. Более того, имеет даже специальную дисциплину – ономастику, предметом изучения которой является история происхождения и бытования имен собственных, в противоположность именам нарицательным. Ономастика делится на три основных раздела: антропонимику – изучает имена людей, этнонимику – названия народов (этносов) и топонимику – историю происхождения названия поселений, территорий и т.д.

Следует отметить, что при изучении конкретной темы, когда исследователь ограничен письменными свидетельствами или археологическими артефактами, ему приходится обращаться к альтернативным историческим источникам. В этой связи, изучение происхождения имен собственных приобретает особую ценность в контексте историко-краеведческих изысканий.

Одна из интересных страниц в изучении топонимики Дубненского края связана с происхождением названий местных административно-территориальных единиц – станов Кашинского уезда, который охватывает период 15 – 18 веков. Именно в этот период территория самостоятельного Кашинского удельного княжества была, подобно лоскутному одеялу, поделена на отдельные территории – станы, которые просуществовали почти четыре столетия. Последующие в России административно-территориальные реформы вносили определенные географические метаморфозы на общегосударственном или региональном уровне, однако на местном мало что изменилось. Удивительно, но в том или ином виде, по сути, с княжеских времен, станы дошли до наших дней, формируя границы современного муниципального самоуправления.

Чтобы представить себе подробную географию Кашинского уезда, воспользуемся уникальной картой Замосковского края историка С.Ю. Готье, кропотливо составленной им в конце 19 века. Очевидно, что Кашинский уезд включал в себя около двух десятков административно-территориальных единиц, которые имели общераспространенное тогда название волостей, станов и слобод (или слободок). Отличие волости от стана в административно-юридическом аспекте заключалось в разном объеме правомочий и, следовательно, административной самостоятельности территории. Если стан был городским округом и подчинялся напрямую городу или уезду, то волость имела своего волостеля, который формально соблюдал субординацию с уездом, но имел собственную компетенцию на вверенной территории.

Если проанализировать названия станов Кашинского уезда, то большинство из них имеют совершенно ясную этимологию, уходящую своими корнями в удельную историю Кашинской земли, с привязкой к определенным географическим, природным или этнографическим особенностям конкретной местности. Анализ названий местных территорий позволяет разбить их на несколько основных групп.

1. Дубенский, Пудицкий, Хотческий, Жабенский и др. – гидронимы, по названиям рек
2. Чуцкий, Мерецкой (от чуди и мери – финно-угорских племен) – этнонимы
3. Середецкий (расположенный в центре, посередине уезда) - геотопонимы
4. Белгородский, Кимрская дворцовая волость и др. – топонимы – названия от населенных пунктов

Таким образом, на данный момент можно говорить о более или менее ясной этимологии практически всех административно-территориальных образований Кашинского уезда, за исключением, пожалуй, одного – Гостунского стана. Именно он и составляет пятую группу названий с неясной этимологией. Интерес к данной теме обнаруживается не только в силу исключительности этого явления, но и потому что, территория современной Дубны и ее ближайших окрестностей входили в состав двух станов - Гостунского и Дубенского.

Впервые название Гостунский стан встречается в разъездной грамоте 1504 года, зафиксировавшей размежевание дмитровских и кашинских владений князя Юрия Ивановича со своим отцом – Великим князем московским Иваном Васильевичем Третьим. Далее Гостунь упоминается в писцовых книгах Кашинского уезда 17 столетия. В частности, в Писцовой книге 1628 года Петра Бестужева при описании населенных пунктов Гостунского стана упоминается известное село Прислон, деревня Горки на Волге и ряд других поселений в составе вотчины князя Юрия Масальского...

Известный исследователь удельной истории Кучкин Б.В. описывает восточные пределы тверских владений следующим образом: «Данные начала XVI в. позволяют наметить тверскую границу на юг и юго-восток от правого берега Волги. Разъездная грамота 1504 г. великого князя Ивана III фиксирует рубеж кашинских и ростовских земель. Этот рубеж тянулся от границы с Угличем с верховьев реки Суболки до реки Жабны, далее вниз по Жабне до впадения в нее речки Растовца. Затем кашинско-ростовская граница шла по реке Растовцу, переходила в лес, пересекала дорогу «от Заозерица в Жабну», достигала ручья Инобажа и упиралась в переяславский рубеж. С ростовской стороны к кашинской территории подходили земли сел Старого Цилинского Васильевского и Курышинского, с кашинской стороны к ростовской территории — земли села Семендяевского и волости Верхней Жабны. В конце разъездной грамоты ее составители отметили, что «по сему списку через тот рубеж из Ростова в Кашинские станы и волости не перешло ничево, а из Кашина в Ростовские станы и волости не перешло ничево ж». Очевидно, рубеж был давним. Все перечисленные выше географические ориентиры разъездной 1504 года отыскиваются на карте, и становится очевидным, что ростовско-кашинский рубеж пролегал примерно там же, где идет современная граница Калининской и Ярославской областей на отрезке: верхнее течение реки Жабны — участок севернее села Заозерья. Что касается давности кашинско-ростовского рубежа, то можно утверждать, что этот рубеж существовал и в период независимости Тверского княжества, по крайней мере в последние годы его самостоятельного существования. Такой вывод можно сделать на основании жалованной грамоты тверского великого князя Михаила Борисовича, выданной в июле 1483 г. властям Троицкого монастыря в Калязине на заведение слободки в верховьях Жабны. В грамоте упомянуты рубежи углицкий, курышинский и заозерский, т.е. те самые рубежи, что и в разъездной 1504 года. Вместе с тем из грамоты становится очевидным, что волости Верхней Жабны в 80-х годах XV в. не существовало, эта территория, входившая в состав просто Жабенской волости, тогда еще только осваивалась. В таком случае следует думать, что в XIV веке границы Твери с Ростовом в данном районе были не столь четкими, как позднее, и проходили в безлюдных или малолюдных местах. Освоенная тверичами территория пролежала западнее рубежа конца XV — начала XVI века с Ростовом, ближе к Волге.

Из другой разъезжей грамоты 1504 года, зафиксировавшей размежевание дмитровских и кашинских владений князя Юрия Ивановича, второго сына Ивана III, с великокняжескими радонежскими и переяславскими землями, можно составить примерное представление о кашинском рубеже от реки Жабни на юго-запад до реки Дубны. Он шел от верховьев ручья Инобажа к верховьям реки Поимаши, далее вниз по этой реке, через водораздел до р. Гнилой воды. На данном отрезке рубеж разделял земли уже упоминавшегося села Заозерица (Заозерья) и лес кашинской волости Жабны. Далее межевание в общем направлении к югу от названных мест шло таким образом, что уже не касалось кашинских земель. Лишь при разграничении района среднего и нижнего течения правого притока Волги Дубны в разъезжей грамоте вновь начинает упоминаться кашинская волость — на этот раз Гостунская. У рек Кинелки и Кунемы Гостунская волость граничила с переяславской Закубежской волостью, а далее на юго-запад в верховьях рек Нушпалы и Тувалы — с переяславской волостью Серебож. Граница Гостуни с Серебожем продолжалась до верховьев речки Вотри и далее по Вотре до ее впадения в Дубну. Следовательно, кашинские земли (Гостунская волость) в начале XVI в. охватывали пространство между реками Волгой, Дубной (в ее нижнем течении) и, очевидно, рекой Хотчей».

Для более четкого ориентира читателя отметим, что часть бывшей Гостуни — это современная территория Кимрского района на правом берегу Волги, а точнее Титовского сельского округа, непосредственно выходящая к границам наукограда по берегу реки Дубны. Современные деревни Притыкино, Прислон, Клетино, Нутрома, Борки располагаются на земле бывшего Гостунского стана.

Далее Кучкин отмечает, что «...межевание 1504 года кашинских, дмитровских и переяславских волостей шло не всегда по старым рубежам. Текст разъезжей грамоты предусматривал казусы, когда старые переяславские земли переходили к Дмитрову и Кашину, а старые дмитровские и кашинские земли — к Переяславлю. В таких случаях граница шла не по старым межам, а по рубежу, установленному межевщиками в 1504 г. Отсюда становится понятным, что переносить все данные начала XVI в. на более раннее время нельзя. Приходится ограничиваться общими указаниями на географию отдельных кашинских волостей в начале XVI в. и лишь приблизительно и с большими оговорками говорить о восточной границе Тверского княжества в XIV в. Впрочем, как бы примерно ни проводить границу владений тверских князей в XIV в., можно совершенно определенно утверждать, что она не достигала текущей с юга на север реки Вьюлки, левого притока Нерли Волжской. Дело в том, что по реке Вьюлке лежала переяславская волость Юлка (Юлоцкая), получившая свое наименование от этой реки и упоминаемая уже во второй духовной грамоте 1389 г. Дмитрия Донского. Видимо, от углицкого рубежа до дубенского устья тверская территория в XIV в. тянулась неширокой полосой в 15-25 км вдоль правого берега Волги».

Таким образом, как свидетельствуют источники начала XVI в., граничивший с Гостунской волостью Дубенский стан Кашинского уезда был самой крайней кашинской территорией на юго-западе. Стан лежал в низовьях рек Дубны и Сестры, простираясь вверх по Сестре до некоего Плоского ручья, видимо впадавшего в Сестру. Далее на юго-запад начинались клинские владения.

Известный исследователь истории Тверского княжества 19 века В.С. Борзаковский также отмечает в своей монографии «...что в первые времена Московского государства название уезда только что заменило прежние области, земли и княжества... А в межевой грамоте 1504 года к Кашинскому уезду относится и пространство земли на правом берегу Волги от деревни Вотри на р. Дубне на западе до села Семендяева на востоке, т.е. почти весь нынешний Калязинский уезд».

Как было сказано выше, вопрос о времени возникновения административно-территориального деления Кашинского уезда является дискуссионным. Однако по аналогии с большей частью уездов Замосковского края можно вполне определенно сказать о том, что границы волостей и станов, а также их названия являются продуктом собственно удельной истории, т.е. относятся еще

к периоду самостоятельности Кашинского княжества конца 14 – первой половины 15 веков. Эта точка зрения с определенными оговорками разделяется историками Готье, Веселовским, Кучкиным, Борзаковским и некоторыми другими.

Основной вопрос вызывает происхождение самой морфемы «гостунь». Необходимо отметить, что в научной литературе существует два основных подхода относительно ее этимологии: славянская и тюркская. Большинство исследователей склоняется к старославянскому происхождению данного термина.

То, что старославянам не были чужды имена на "-ун", видно из того, что еще в 6 веке н.э. славянин Сварун был воеводой у Юстиниана и отличился в персидской войне в 555 года. Если допустить, что и в задунайском старо-болгарском княжестве была и славянская примесь, тогда имя Куртова наследника – Гостун (ГОСТУН, из рода Ерми, по сведениям правил, якобы, в 582-584 годах н.э. Имя ГОСТУН по мнению некоторых исследователей означает ГУЗ-ДОН, то есть КАЗАК ДОНА), с начала 7 века н.э., точно так же обращает на себя внимание как славянское, тем более, что и теперь существует чисто-болгарское (славянское) село Гостун в окрестностях Неврокопа. В 8 веке н.э. встречается личное имя Славун, князь славянского племени севери, - имя одного из семи племен, подчиненных Аспарухом, - плененный тайными агентами Копронима и после, вероятно, погибший от смертной казни. В 14 веке н.э. упоминается о городе Добруне в Македонии, взятом Стефаном Дечанским после Велбужского поражения. В южно-славянских памятниках 15-17 вв., изданных в "Гласнике", встречаются имена, образованные суффиксом "-ун". Примером могут служить некоторые из них: Перуника, Бегуна, Добрунь, Милунь, Милуна, Радунь, Радуна, Тихунь и другие. Современные южно-славянские наречия точно также обильны подобными примерами: благауна iабълка в Дибре, Бегуновци - село в Трнском уезде, Бегунци - село на болгарской Мораве, Медун - село вблизи Подгорицы, калвун - (клев) в окрестностях Сыстова, медун - медведь-самец в окрестностях Тетевена, в Габрове, пискун, горун (*quercus pedunculata*), в Елене, сладун (*quercus conferata*) в Елене, благун (*quercus conferata*) в окрестностях Лома, и т. д.; имена лиц у болгар: Петруна, Радуна, Галуна, Перун, Парун, Перуна, Спасуна и т. д. Маретич приводит около 40 личных имен на "-ун" у сербо-хорватов.

Слово «гость» в старославянском языке обозначает - иностранец, купец. Характерно название «гостиный двор» - т.е. буквально торговый, ярмарка. В Великом Новгороде была элитная корпорация купцов – «гостинная сотня». К слову у славян гостем назывался не только иностранец, но и выходец с того света – отсюда старое название кладбищ - погост. Анализ географии топонимов с основой на «гост» демонстрирует следующую картину. Ареал распространения топонима охватывает территории Восточной и Южной Европы, где зафиксировано проживание славянских племен.

В Белоруссии есть несколько крупных населенных пунктов с корнем «гост» - Гостиловцы – в Лидском районе, Гостиловичи – в Логойском районе, Гостов – в Мозырском районе. Река Гаст – течет через Воложинский и Ивьевский районы, озеро Гостинец – Россонский район, бассейн Нищи. Что касательно топонимики современной России, то на верхней Оке известно село Гостунь. Речка, которая протекает возле села и впадает в Оку, тоже называется Гостунка. Плюс Гостунь Кашинского уезда.

В латышском языке есть слово PAGASTS, что в переводе означает «волость». На территории современной Литвы также встречаются топонимы с основой на «гост».

Согласно второй точки зрения «гостунь» имеет тюркскую или заимствованную тюрками ираноязычную этимологию. Исследователь А. Куник высказал предположение, что «очень может быть, что форма «гостунь» вовсе и не была тюркского происхождения, но принадлежала к числу заимствованных тюрками иранских имен». В частности, он проводит параллель с рядом староперсидских слов. *gasta* – «отвратителен, противен», новоперсидского *gast* «ложь» и др.

Однако ряд балканских, прежде всего, болгарских ученых считает, что образование «гостунь» должно происходить исключительно от имени собственного, поэтому иранское заимствование неуместно.

Итак, применительно к удельному контексту русской истории, попробуем рассмотреть несколько версий, объясняющих происхождение названия Гостунского стана Кашинского уезда.

1. Основа «гост» в значении гостиный двор, торжище, торговое место. По мнению известного специалиста в области исторической топонимики Н.В. Подольской большая часть топонимов с основой на гост/гощ возникла самостоятельно. Их названия связаны или с гостиными дворами, либо с поселениями, где были торги, торговые ряды.

Можно предположить, что территория Гостунского стана была связана с древним торговым «ходом» по рекам Дубне, Сестре и Яхроме. Этот ход позволял иметь Москве практически прямую транспортную коммуникацию по воде с Волгой и далее по Волге на север (соляные прииски, Кирилло-Белозерский монастырь), восток (Каспий, Персия, Иран) и запад (Смоленские земли, Новгород, Псков, Балтика). Благодаря уникальной гидрографии (соединение трех малых рек с Волгой) транспортный и торговый путь получил свое развитие на ранних этапах русской истории. В начальный период феодальной раздробленности (начало 12 века) этот путь уже использовался для перевозки хлеба из Низовских, Ростово-суздальских земель в новгородские владения. Достаточно вспомнить исследование В.Н. Тихомирова про северный торговый путь Москвы, который разрабатывался еще во времена ушкуйников периода княжения Ивана Калиты (1325-1340). Именно в развитие этого процесса на устье реки Дубны в середине 15 века появляется таможенный пост Тверского великого князя – дубенское мыто, основной задачей которого было освидетельствование товаров и сбор пошлины с проезжавших мимо торговых судов. Таким образом, вполне допустимо, что на близлежащей территории от торгового хода (т.е. Гостунского стана вдоль реки Дубны) располагалась ярмарка, торжище местного или регионального значения – одним словом «гостиный» двор, который в качестве местной особенности дал название стану.

Слабое место в аргументации данной версии - отсутствие каких-либо сведений о расположении на территории Гостунского стана относительно крупных торжищ или ярмарок. Об этом нет информации в письменных источниках, данные археологических исследований также не фиксируют в этом отношении ничего примечательного. Возникают также определенные сомнения по линии исторической лингвистики.

2. Слово «гости» могло также употребляться в ином смысловом значении как иностранцы (неприятели, враги). Таково значение термина в латинской транскрипции. Кто мог быть иностранцами для жителей тверской земли или Гостунского стана? Для анализа ситуации нам необходимо переместиться в середину 14 века и обратиться к истории Великого княжества Литовского, в лице своего правителя князя Ольгерда. В этом контексте особенно интересны отношения Литвы и Твери, их совместные походы против Москвы. За время своего правления князь Ольгерд расширил пределы своих владений более чем вдвое, причем, преимущественно за счет русских земель. Вначале он овладел городом Крево и землями Чернигово-Северского княжества. Пограничное Витебское княжество принесла с собой в приданое первая жена Ольгерда Мария Ярославовна. В 1346 году он предпринял поход к Новгороду, захватил Шелонскую волость и Лугу, с Порохового городка и Опоки взял откуп. В 1348 году способствовал разжиганию конфликта между Золотой Ордой и Москвой, чтобы ослабить Москву. В 1349 году литовский князь направляет посольство в Орду, предлагая хану Джанибеку заключить союз против московского князя, но московский князь Симеон Гордый (1325 – 1340) сумел предотвратить заговор против своей вотчины. В том же году Ольгерд победил в битве при реке Стреве Тевтонский Орден, после чего поднял вопрос у константинопольского патриарха о праве на организацию самостоятельной литовской метрополии (!), независимой от Москвы, но потерпел

фиаско в этой затее. Интересная деталь – в 1350 году в связи со смертью первой жены женился второй раз. Выбор его пал на свояченицу московского князя, тверскую (!) княжну Ульяну Александровну, родную сестру Тверского князя Михаила Александровича. Получив в лице Твери могущественного союзника в борьбе с московским князем, Ольгерд начал новые походы на западные русские земли. Захватил города Белый, Ржев, в 1355 году – Брянск, в 1359 – Мстиславль, далее Смоленское княжество.

В отечественной историографии наиболее известны московские походы Ольгерда, которых было три – в 1368, 1370 и 1372 годах. Когда возник спор между Кашинским князем Василием Александровичем и его племянником Всеволодом Александровичем Холмским, сторону первого предпочел защищать Великий московский князь Дмитрий Иванович (будущий Донской), второго – литовский князь Ольгерд. Осенью 1368 года Ольгерд и другие литовские князья подступили к Москве, опустошили пригороды, но, встретив серьезный отпор москвичей, через три дня ушли. В 1370 году Ольгерд вновь подступил к Москве, но 10-дневная осада города закончилась отступлением.

В апреле 1372 года большая литовская рать во главе Ольгердом и подростками – Кейстутом и Андреем Ольгердовичами – снова вторглась в пределы Московского княжества, захватила Дмитров, Торжок и Кашин, двинулась на Москву. Под Люботиным литовское войско было остановлено. Состоялись переговоры о мире. Тверской князь Михаил должен был возвратить Московскому великому князю Дмитрию Ивановичу все занятые им московские города. Была определена граница между Литвой и Москвой.

В этом контексте интересно рассматривается гипотеза о расположении на территории Тверского княжества временных военных лагерей литовцев. Могла ли Тверь предоставить в «военную концессию» своим военно-политическим союзникам территорию Гостунского стана? Теоретически, вполне. Отметим, что у стана было удобное расположение по суше и воде, рядом проходила граница московских владений. Достаточно вспомнить, что литовцы оперативно появлялись с тверичами под стенами Москвы, разоряли Дмитров, расположенный с севера по направлению к Гостуни. Не с территории ли Гостуни шло движение на белокаменную столицу? Может быть, литовцы по договоренности несли своего рода охранительные функции по границе тверских великокняжеских владений с, поскольку рядом располагались владения недружественного Кашина, который был в альянсе с Москвой и собственно московские владения?

К сожалению, данная версия страдает определенной натянутостью и слабой фактологической базой. Нет четкого понимания в ассоциативной привязке термина Гостунь в значении «земля для иностранцев» или «территория, где находятся иностранцы, чужеземцы». Нет данных археологии в подтверждение этой темы, нет какого-либо упоминания самого факта организации военных лагерей литовцев на территории Тверского княжества в русских летописях, западных хрониках и т.д. Поэтому вопросов здесь гораздо больше чем ответов.

3. Гостунский стан Кашинского уезда связан со знаменитым Гостунским храмом в Московском Кремле.

Вот что сообщает по поводу Гостунского храма церковный путеводитель: «Об этих двух соборах мало кто знает. Один из них стоял в Кремле, но давно уже был разрушен. Другой стоит до сих пор, но в малонаселенном месте в верховьях Оки, в Белевском уезде. При всей несхожести географии и судьбы между этими соборами есть удивительная связь. Дело не только в том, что оба храма были посвящены одной и той же редкой иконе — Николая Гостунского. Связь значительно интереснее. Об иконе Николая Гостунского известно крайне мало. Главная, чудотворная, до нашего времени не дошла и существует только несколько ее поздних списков.

О происхождении чудотворного образа, некогда очень почитаемого, существует несколько преданий. Согласно одному из них, первая икона Николая Гостунского была обретена на берегах притока Оки речки Гостунки, и поэтому за счет государственной казны там был построен собор, который был освящен в честь этой иконы. Есть и другая версия, связывающая происхождение образа с именами Великого князя Литовского Александра и его жены Елены, дочери Ивана III. Якобы икона была принесена из Гостынского замка в Литве в 1506 году, и поэтому в том же году в Кремле царь Василий III специально для нее построил церковь. Известно достоверно, что все последующие цари чрезвычайно почитали этот образ и обе церкви пользовались особыми милостями царственных особ. Молитвенниками и обетниками чудотворной иконы были и Иван Васильевич, и первые Романовы — Михаил Федорович и Алексей Михайлович. Беллевскому собору Иван Грозный подарил крест. В период становления централизованного Московского государства в ряду русских святых икона Николая Гостунского бесспорно имела очень важный статус. Примечательно также и то, что знаменитый Иван Федоров, в 1563 году напечатавший первую русскую книгу, был дьяконом Николо-Гостунского собора. Хотя известно, что Петр I молился перед иконой Николая Гостунского незадолго до войны со шведами, после его реформ для кремлевского собора Николая Гостунского как и для многих других традиционных святых в Москве настали тяжелые времена. Запустение, пожар и угроза сноса. Во время наполеоновского нашествия храм был разорен и осквернен, а чудотворная икона пропала. Наконец, в 1817 г. Александр I повелел собор разобрать за ветхостью (освободился чудный плац для военных парадов), а престол Николая Гостунского перенести в соседнюю колокольню Ивана Великого. Беллевский собор на Оке не переживал подобных катаклизмов, но также пришел в полнейший упадок, превратившись в заурядную сельскую церковь. Советская власть с 1930 г. приспособила здание под клуб с танцевальным залом. Потом здесь был цех, где квасили капусту. В наши дни забытый и заброшенный собор тихо и безропотно превращался в руину. По благословению владыки Тульской епархии Кирилла и старца Оптиной пустыни Илии за спасение и восстановление Николо-Гостунского собора Беллевского района Тульской области взялись энтузиасты...»

Некоторые монографии, посвященные истории Московского Кремля и агиографическим исследованиям, также сообщают, что в 1506 году в Московском Кремле была построена церковь Святого Николая и туда помещена икона св. Николая Гостунского, которая перед этим прославилась в селе Гостунь...

Храм был издревле предметом благоговения невест и женихов, которые приходили сюда после сговора, молились перед чудотворной иконой и записывали имена свои в особую книгу, как бы поручая себя через то ходатайству и заступлению великого угодника.

В 1812 собор был опустошен французскими войсками, но оставался в целости. В 1817 году Николо-Гостунский собор "как обветшавший и по местоположению своему и по бедности архитектуры" был разобран до основания. Часть мощей, древняя резная деревянная икона святого Николая Гостунского ...и вся утварь были перенесены во второй ярус Успенской (Петроковской) звонницы колокольни Ивана Великого. Прежде там помещался собор Рождества Христова».

«В 16 веке, Гостунская икона была соотнесена с антиеретической борьбой: когда у митрополита шел спор с еретиками, отрицавшими святость Николы, от его иконы в кремлевском Гостунском храме произошло исцеление, которое наглядно опровергло утверждения еретиков».

Таким образом, суть третьей версии сводится к тому, что Гостунский стан Кашинского уезда был тягловой податной территорией, с которой собираемые с населения налоги шли на содержание Гостунского храма в Кремле. Версия красивая, но не выдерживает никакой критики. Во-первых, храм в Кремле был построен в 1506 году, а первое упоминание Гостунского стана известно по разъезжей грамоте в 1504 году, что явно диссонирует между собой. Во-вторых, Московский храм

в честь Николая Гостунского имеет четкую связь с Гостунским храмом на Оке, откуда была перенесена чудотворная икона. Сам храм, вполне объективно, получил свое название по селу, которое стоит при впадении речки Гостунки в Оку. Следовательно, название села происходит от гидронима. Исходя из этого, очевидно, что московский храм имел историческую связь с храмом на Оке, но вряд ли имел аналогичную связь в нашем случае с Гостунью на Волге. Безусловно, процесс появления названия реки Гостунки - притока Оки в Тульской области - и средневекового Гостунского стана на тверской земле шел параллельно. Равно как и с другими названиями, встречающимися на обширной территории Южной и восточной Европы. Корень этого процесса был общий. Но КАКОЙ?

4. В Полном церковно-славянском словаре Дьяченко слово "остоунь" [остунь] –переводится как «даром, безмездно». Дьяченко ссылается на труд исследователя Миклошича – «Lexicon palaeo-slowenico-graeco-latinum», где тот относит это слово к старославянскому (иначе бы Дьяченко не включил его в свой словарь), но толкование у Миклошича идет на латыни. И в этой связи возникает закономерный вопрос: могло ли слово "остунь" иметь ранее форму "гостунь", как, например, "государь" - "осударь" (или господарь – осподарь) ? По мнению специалистов, которые высказали свое мнение на профессиональном форуме, однозначно да. Для ранних периодов употребления термина вставка протетического (g/y) – это весьма характерное явление.

Строго говоря, корректно ли слово "остунь" применить к географическому объекту - местности, т.е. истолковать как "дармовая земля"? Применительно, к нашему исследованию, можно ли рассматривать Гостунский стан в качестве «даром приобретенной земли»? Удивительно, но ответ на этот вопрос существует, если внимательно проанализировать историческую географию Тверского княжеского домена и кашинского удельного княжества, а также их взаимоотношения на разных исторических этапах. Исчерпывающая информация на эту тему находится в монографии историка 19 столетия В.С.Борзаковского «История Тверского княжества».

«Всегда ли с самого начала образования Кашинского удела, этому уделу принадлежали земли по правому берегу реки Волги, т.е. нынешний Калязинский уезд, или только с тех пор, как Михаил Александрович отказал своему сыну Василию и внуку Ивану Борисовичу – Кашин вместе с Коснятиным? Кажется, нужно принять последнее...»

И дальше «...но нет сомнения, что нынешний Калязинский уезд – весь или частью – входил в состав Тверского княжества. Когда в 1288 году в.к. Дмитрий Александрович шел на в.к. Михаила Ярославовича Тверского, то он разорил Кснятин. Едва ли первоначально правый берег Волги входил в состав собственно Кашинского удела: когда в 1317 году Юрий и Кавгадый разоряли Тверское княжество, то, судя по летописи, Кашинцы только тогда соединились с Тверичами, когда враги хотели перейти и на левый берег Волги, т.е. когда Кашинцы стали опасаться, что разорению подвергнется и их собственная волость, но из обстоятельств этой войны не видно – принадлежал ли правый берег Волги Кашину, потому что Юрий с своими союзниками, идя к Тверскому городу Клину, прошел из Ростова чрез Переяславль и Дмитров, следовательно как видно не коснулся Тверских земель на правом берегу Волги, именно нынешних уездов Калязинского и части Корчевского, а стало быть и той части земель на правом берегу Волги, которая потом входила в состав Кашинского удела. Во время последней войны Михаила Александровича. С Дмитрием Донским, Кашинский князь держал сторону Москвы, а между тем москвичи разорили Белгородок (на правом берегу Волги при впадении Хотчи), находящийся недалеко от Кснятина. Вероятно, правый берег Волги, именно Кснятин стал причисляться к Кашинскому уделу с тех пор, как Михаил Александрович отказал своему сыну Василию и внуку Ивану Борисовичу – Кашин вместе с Коснятиным (! – авт.).

Таким образом, территория Гостунского стана, как часть будущей территории Калязинского уезда Тверской губернии, была передана Великим Тверским князем своему сыну и внуку вместе с

Кашиным. Передана безвозмездно, даром, если простите за фамильярность, «на халяву». И произошла эта «дармовая» передача в 1382 году, о чем сообщают летописи. Вполне возможно, что в память об этом событии территория, ограниченная реками Волгой, Хотчей и Дубной, и входившая до этого момента в состав собственно владений Тверского княжеского дома получила название Гостуни, а впоследствии, при образовании административно-территориального деления Кашинского удела, стала одноименным Гостунским станом.

На мой взгляд, последняя версия происхождения проливает свет на загадку происхождения Гостуни и выглядит наиболее убедительной.

Игорь Даченков

17.07.2006